

Отличник Банионис

независимая - 2005 - 19 янв. - с. 6.

Знаменитый актер и режиссер получил диплом, когда уже руководил театром

Инна Кулишова

Началом своей кинокарьеры Донатас Банионис считает фильм «Никто не хотел умирать». Витаутас Жалакявичус говорил, что Банионис лепит «образ «во-внутрь»... Его перевоплощения не требуют от него каких-либо психологических переустройств. Его внешность – внутри. Его лицо – внутри. Оно соткано из эмоций». В речи Баниониса, в его манерах нет никакой нарочитости, актерской позы, каких-то наработанных привычек. Он совершенно лишен продуманного желания подавать себя, самолюбования. Он может запросто и резко отмахнуться от какого-то вопроса или предложения, отделаться в интервью или речи на сцене двумя словами.

- Донатас, вашим первым и главным учителем был Мильтинис, который в 1939 году возвратился в Литву (среди его друзей были Шарль Дюллен, Жан-Луи Барро, Пикассо). Он сказал прекрасную вещь: не ищите новое – ищите вечное в своем искусстве.

– Да!
– Сегодня, как понимаю, вы не видите этих поисков вечного...

– Да, да! Как раз наоборот, пошла какая-то другая, противоположная, волна. Человек уже не ищет, только интересуется какими-то фокусами. Я не могу даже сказать, что происходящее сейчас – это искусство, в принципе это все делается для развлечения неумных людей, для молодежи, которая не знает и не хочет знать ничего – лишь бы было смешно. Мне не смешно, а им смешно. Вот и всё искусство, если это назвать искусством. Я даже не назвал бы искусством, что

делается. Это просто шоу в плохом виде, шоу становится основным приоритетом и в театре, и в кино. Я, может быть, чуть разозлился на это и говорю немножко зло, но правда для меня такова: сейчас искусство идет в очень плохом направлении, бессмысленное как будто бы. Когда собирается 20 тысяч молодых дураков на всю ночь на стадионе и они радуются... «Кайф этот мне нравится», – они так мне говорили, что это? Как такое называть?

– В свое время Плисецкая сказала, что, когда танцует «Умиряющего лебедя» Сан-Санса, все думают, что это трюк, но это не трюк, а танец! Как отличить сегодня, условно говоря, трюк от танца?

Я не верю в то, что написано в Евангелии, но читать интересно

– Да, сейчас так. Согласен с Плисецкой. Я очень рад, что она так сказала. Нет, наше поколение иное, мы по-другому смотрели кино, спектакли в театре, вообще иначе воспринимали искусство, слушали музыку. А сейчас все облечено. Как кто-то сказал, сейчас создающие так называемое искусство думают не головой, а тем, что между ногами. Я сам слышал и согласен, что их мысли между ногами, а не в голове.

– Вы говорили, что очень любите читать. Что у вас на книжной полке?

– Ну что там говорить! Я не знаю. Тысячи... Время от времени я читаю Евангелие. Мне интересно. Я не верю в то, что написано, но интересно читать.

– Вы неверующий?

– Нет. Ну верю во что-то, если это назвать верой. Но я не верю в догму, в которой сказано, что якобы 2000 лет тому назад мы были настоящими, а потом все вроде как выродились. А как можно верить, что был только Адам, который слеплен из глины, и в то, что женщины из ребра сделаны? Я не могу верить в это. Ну что делать? Но читать люблю. Потому что я могу смотреть, куда пошло человечество.

– Ваша идея ученичества, как понимаю, прошла через всю вашу жизнь, актер в идеале, по вашим словам, должен чувствовать себя немного учеником рядом с режиссером. Вы действительно очень любите учиться?

– А, ну я учился, и учился хорошо всегда. У меня высшие оценки, в то время это были пятерки. В моем дипломе все пятерки, пятерки, пятерки. Когда Мильтинис уже ушел из театра, и даже сдавал экзамены экстерном. Я очень хотел иметь какую-нибудь бумагу, диплом. Потом все-таки, когда меня назначили руководителем театра, ненадолго, в 1980 году, я еще был руководителем студии, и получилось так, что у студийцев, которые сдавали экзамены на театральный факультете, в консерватории, были дипломы. А у меня нет. Я решил, что это некрасиво. И сдал экзамены, и опять получил красный диплом. Ну это уже смешно было. Когда меня спрашивал экзаменатор: «Вы знаете, кто был Ста-

ниславский?», говорю: «Знаю». – «Хорошо, пятерка». «Вы знаете, кто был Ленин?» – «Знаю». Это было еще в старые времена... «Хорошо, пятерка». Это был формализм. Но я получил красный диплом. Потому что я был уже народным артистом СССР, а теории сдавал вот таким образом. Ну и еще языки, я немецкий язык знаю прекрасно, тоже лучше, чем мой экзаменатор (смеется).

– Вы, по всей видимости, актер, который доверяет режиссеру и не требует объяснений. Вы рассказывали, что когда Тарковский вам говорил: делать так, сесть так, – вы просто делали, а смысл уже понимали потом, когда весь фильм был готов.

– Ну смотря какой фильм, какой режиссер. Вот Тарковский так работал, Мильтинис – наоборот. Пока я сам не доказал, что я знаю, что делаю, он не давал никаких указаний, замечаний по игре. Он шел по смыслу: о чем я должен играть. Должен играть я сам. Мысли, форма мои должны были быть. Но если я эту форму нахожу, и через нее Мильтинис видит, что я думающий актер и разбирающийся в сценах, в том, что говорю, на уровне Ибсена, скажем, или Чехова, или Шекспира, – тогда хорошо. Если я ниже, значит, я не достиг того, что нужно. Я мучался ночами, придумывал сцену, как надо играть, чтобы не было Баниониса со штампами, а был бы, там, ибсеновский Тесман или стриндберговский Эдгар, или у Чехова доктор Дорн. Я должен был играть так, словно это были их мысли, этих величайших писателей, драматургов, и было бы видно, что мысли именно их, а я как личность только это воплощаю и даю им форму, настоящую, чтобы зритель понял, что речь идет не о режиссере, а о Чехове, Стриндберге, Ибсене, Софокле и т.д. Вот так надо было играть, так он требовал от меня, и я так делал.

– Вы говорили, что мы находимся в конце великой театральной эпохи. Что ж получается? Кончается эпоха создателей и приходит эпоха трюкачей и пользователей?

– Пока так. Исторически так было всегда. Посмотрите: от греческих времен, от чеховских времен...

– Просто такой ритм?

– Да, поднимается уровень искусства и падает. Это было в каждой эпохе. Ренессанс... Греки... Конец XIX, начало XX – какая была культура российская! Там были и Достоевский, и Чехов, и Чайковский, и Толстой – ну все было! А потом – бах! После того опять поднимались немножко.

– Вы считаете себя реализованным человеком?

– Нет! Нет. Нет... Да, стараемся... Я счастлив, что попал к таким режиссерам: Тарковский, Мильтинис, может быть, Козинцев, может быть, Савва Кулиш, может быть, там еще дватри...

– Швейцер?

– Швейцер, да. Ну у него было не то, что написано изначально. Мне не очень понравилось. Я думал, что было гораздо лучше написано, чем снято. В отличие от Тарковского, про которого даже сам Лем сказал, я слышал его, что «Солярис» Тарковского – это, мол, не мое, но, может быть, даже лучше.

– Лучше – потому что у Лема герой к Океану летит, а у Тарковского возвращается на Землю и становится на колени перед отцом – «человеку нужен только человек».

– Да-да! А у нас некоторые обвиняли Тарковского, что он не понимает Лема. А он и не хотел быть Лемом. Он хотел создать свое. Я часто задумываюсь над проблемой взаимоотношения художника и окружающих его людей. Непростые они, проживать их нелегко.

Инна Кулишова – кинокритик.